

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. КОСТЫЛЕВ

МИНИН и ПОЖАРСКИЙ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1940

В. КОСТЫЛЕВ

МИНИН И ПОЖАРСКИЙ

Рисунки
Л. ГОЛОВАНОВА

**Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1940 Ленинград**

Ребята! Напишите нам, понравилась ли вам эта книга. Укажите свой адрес, имя, фамилию и возраст.

Наш адрес: Москва 12, Малый Черкасский пер., д. 1. Детиздат, Массовый отдел.

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. Неведомые всадники	3
2. Козьма Минин	5
3. Нижегородские гонцы	7
4. Бояре-предатели	10
5. Под иноземным игом	11
6. Восстание	13
7. Дмитрий Пожарский	15
8. Развал в рязанском ополчении	17
9. Воззвание Минина	18
10. Ополченские будни	22
11. Нижегородцы у Пожарского	23
12. Долгожданный день	27
13. В Москву!	31
14. Ярославль	35
15. В Москве	36
16. Приход гетмана Хоткевича	39
17. Начало боя	42
18. Удача гетмана	45
19. Подвиг Минина	49
20. Кремль в осаде	54
21. Взятие Кремля	58
22. В Стрелецкой слободе	62

1. Неведомые всадники

Хмурый декабрьский вечер 1610 года. В селе Погост, близ Мурома, к избе старосты опрометью подбежали две женщины и давай барабанить в дверь.

На крыльцо вышел худой седобородый старик.

— Что такое?! — сказал он. — Гляди, как стучат! Неужто ума у вас нет? Чего шумите?

— Ой, беда, Клементьич! Супостаты идут! — заголосили женщины. — Своими глазами видели! Много их!.. Ой, много!

Староста тяжело вздохнул, перекрестился и вдруг, оттолкнув женщин, выбежал на улицу как был — без шапки, в рубахе, несмотря на зимнюю стужу. Подбежал к небольшому колоколу, висевшему на дереве около церкви, и ударил в набат. Тревожно загудел колокол.

Со всех сторон сбегались погостовцы.

— Родимые, братцы мои! — воскликнул староста, обратившись к толпе крестьян. — Наказал и нас бог! Прут, окаянные, и к нам... Не справиться, братцы, нам с ними, пропали мы!.. Пожгут они добро наше, а нас всех перебьют!.. Спасайтесь! Бегите в лес!..

Поднялась суматоха. Многие, кое-как одевшись и укутав в медвежьи тулупы своих ребят, поволокли их на салазках в ближний бор. Но нашлись и такие, что твердо решили не покидать своих жилищ и защищать себя и свое добро до тех пор, пока хватит сил.

«Чего бежать? — рассуждали они. — Не все ли одно, что помереть с голоду в лесу, что быть побитым в бою?! Уж лучше побьемся за свою землю. Пускай запомнят нас разбойники поганые!»

Деревня словно вымерла. Опустела улица, все притихло кругом. Погостовцы спрятались в сених с топорами, вилами и рогатинами, решившись дорого продать жизнь.

На дороге, за околицей, показалась длинная вереница верховых. Впереди ехал знаменосец. Позади шла польская конница, оцетинившаяся копылами.

Вот уже первая пара всадников вступила в село. За нею вторая, третья, четвертая... Кони фыркают, косятся на избы, всадники прищпоривают коней, держат их за уздцы, с любопытством озираясь по сторонам.

Заунывно прозвучал в пустынной улице протяжный вой трубы. Остановившись среди села, поляки соскочили с коней. Сверкнули вынутые из ножен сабли... Вспыхнули пуки соломы, привязанные к остриям пик... Загремели барабаны... Поляки врассыпную двинулись к избам.

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное...

Из леса выскочили какие-то всадники. С гиканьем и свистом налетели они на оставленных польскими гусарами коней, разогнали их... Поляки не сразу сообразили, что случилось. Да и не было им времени соображать: неведомые всадники, не давая

опомниться, храбро набросились на них и принялись рубить своими мечами направо и налево.

Но поляков было больше, чем их противников. Успевшие вскочить на коней польские гусары вступили в бой.

В эту минуту погостовские мужики, выбежав из своих засад, тоже напали на гусар с вилами и рогадинами.

Погостовская улица огласилась криками, лязганьем железа, стонами раненых. Люди падали с коней на землю...

Польский отряд, привыкший без боя занимать мелкие селения, не выдержал удара.

Пришлось спасаться бегством. Но не так-то легко было это. Если кому и удавалось ускользнуть с улицы, то на него из-за деревьев неожиданно нападали погостовские жители, сидевшие в лесу. Длинными шестами и дубьем они валили беглецов с коней наземь...

Победа была полная.

2. Козьма Минин

Всадники, появившиеся из леса на помощь погостовцам, были мирными посадскими людьми Нижнего Новгорода. Они составили несколько вооруженных отрядов, чтобы оберегать свой город от нашествия польских панов. Нижний — богатый приволжский город — был лакомой приманкой для поляков, но благодаря стойкости и сплоченности нижегородских жителей полякам не удавалось овладеть им.

Отрядом, который спас погостовцев от гибели, командовал посадский человек Козьма Минин, молодой, высокого роста, широкоплечий мужчина.

Одет он был в дорожную мелкотканную кольчугу

поверх обыкновенного охабня, какие носили средние посадские обыватели. Голову его прикрывала круглая железная шапка с кожаными наушниками. Вместо сапог у него на ногах красовались новенькие крестьянские лапти.

Теперь, после боя, обнажив курчавую голову и добродушно улыбнувшись, он сказал окружившим его деревенским:

— Вот, братцы, какое дело-то!.. Где ни сиди, куда ни иди, а всё в оба гляди!.. Везде они, дьяволы, шныряют... Уж тут-то и не думали их встретить... Ин, видишь!

— Спасибо тебе, отец наш родной, спаситель ты наш! — заголосили женщины, падая на колени.

Минин потянул за узду своего коня, попятился назад.

— Ну, полно, полно вам!.. Эй, детинушки! Уймите своих молодух, вразумите их!.. Не пристало нам в почете таком быть. Наш в том почет, что бьемся мы за Русь и за наш народ... Собирайте-ка лучше порубленных, омойте и завяжите им раны, а убитых с молитвою земле предайте... Вечная им память и вечный покой!

Минин широко перекрестился. Обнажили головы и его ратники и погостовские мужики.

Погостовцы на руках разносили по избам раненых. Появились сани. На них сваливали убитых, отвозили их в лес. Развели там костры, чтобы отогреть землю.

Козьма Минин объезжал на коне село.

— Коней-то ловите! Пригодятся! Одежонку со шляхты тоже снимайте, да сабли, да пистолы... Поиграем и мы этими игрушками!

Ратники прислушивались к каждому слову Минина, торопливо выполняя его приказания.

— Трудитесь, трудитесь, — подбадривал своих людей Минин. — Когда-нибудь и отдохнем...

От его слов веяло спокойствием и верой. Он заражал всех своей веселой бодростью.

— Бог спасет, Минич, постараемся... А вось не пропадем... Не за тем родились, чтоб королевским холопам под иго попасть... Сами с усами...

— Да еще и с бородами! — засмеялся Минин.

3. Нижегородские гонцы

Вечерняя мгла окутала приземистые избенки села Погост. Утонули во мраке опущенные снегом столетние погостовские сосны.

Козьма Захарович при свете лучины допрашивал по избам раненых поляков: что делается в Москве, какая там власть. Раненые говорили путанно, неясно, боясь открыть нижегородцам всю правду. Однако Минин понял, что поляки захватили Москву и провозгласили там царем русским польского королевича Владислава.

Было тихо и темно на улице, когда Минин отправился в дом старосты, где он должен был переночевать. Светили звезды. Скрипел под ногами снег.

«Москва в руках ляха. Вот оно как дело обернулось!» с тревогой думал Минин. Он пробирался по сугробам, стиснув рукоятку сабли.

В доме старосты его дожидались два самых близких его друга: Родион Мосеев и Роман Пахомов.

Мосеев был постарше Пахомова. У него была небольшая черная бородка и тщательно расчесанные на прямой пробор черные волосы. Пахомов выглядел совсем юношей. У него чуть-чуть пробивался пушок на верхней губе.

В углу сидел староста со своей женой. Оба поминутно крестились.

— Ну, братцы, и дела! — тяжело вздохнув, проговорил Минин. — Москва теперь не наша... Аминь! Паны отняли ее у нас! И королевича своего в цари нам навязали, чтобы мы слушали его, стали его холопами... Слыханное ли то дело?!

Ответом Минину было тяжкое, горестное молчание.

— У кого из нас ныне спокойно сердце? — продолжал Минин. — Что ни день, то несчастье. Ложись спать — и не знаешь, что будет завтра...

— Уж лучше в бою помереть, нежели жить в такой тревоге, — в один голос ответили Мосеев и Пахомов.

— И я думаю, братцы, то же, — сказал Минин, забарабанив пальцами по столу. — Не раз мы били с вами панов вокруг Нижнего... Немало потопили мы их в Волге. А коли так, не страшен будет нам враг и под Москвой, буде за это дело возьмемся.

— Как же нам быть, Козьма Захарыч, коли они уже Москвой овладели?! — спросил Мосеев.

— Разум свой путь найдет, ребяташки. Нам нужно знать всю правду о Москве. И много ли там ляхов, и кто их сторону держит, и кто против них... Доброю ли волею московский народ признал королевича царем? Все нам надо знать. Не из вражеских уст будем слушать вести, а из уст своих людей...

Опять наступило молчание. На улице выла собака. В избу проникла полоса лунного света.

— Так научи же нас, Козьма Захарыч, что теперь нам делать, — сказал Пахомов робко. — Как нам быть?

— Думаю я, мои соколики, нет у нас людей, более знающих Москву, нежели ты, Мосеев, и ты, Пахомов.

— Да неужто ты хочешь нас послать? — радостно воскликнул Пахомов.

— Не я, а все наши люди нижегородские... Не впервые вам! Идите туда и разведайте обо всем. Никому не говорите, что вы нижегородцы и ради чего явились. Боже вас сохрани! Берегите тайну крепче жизни. Чует мое сердце — неладное творится с нашими правителями, боярами... Не верю я им. Уж не они ли и продали белокаменную проклятому Жигмонду?¹

— Минич, годимся ли мы для того дела?! — спросил Мосеев.

— Годились допрежде, годитесь и теперь, — нахмурился Минин. — Лучше вас едва ли кто исполнит то дело. И в позапрошлые годы хаживали вы и в Москву, и в Кострому, и в Великий Устюг и то дело выполняли с честью... А ныне вам честь будет превыше прежнего... Общему, вселенскому делу послужите, а не мне. Пытать станут — и под пыткой молчите, не выдавайте себя...

— Коли так, клянемся тебе, батюшка Козьма Захарыч: жизни своей не пожалеем, а сделаем так, как того хочешь ты.

— Коли так, благословляю вас. — Минин поднялся и по очереди обнял Мосеева и Пахомова. — Будьте очами и ушами нижегородцев, служите правдой.

На заре при звуках трубы все население Погоста высыпало на улицу.

Провожая Мосеева и Пахомова, Минин сказал:

— Мы отстояли с вами Нижний, но может ли он быть в безопасности, пока враги хозяйничают в Москве?!

И, обернувшись к погостовцам, громко произнес:

— Пока не прогоним ляхов из всех мест нашей земли, до тех пор нам не будет жизни. Об этом всем вам нужно подумать.

¹ Жигмонд — польский король Сигизмунд.

Мосеев и Пахомов сняли с себя кольчуги, шлемы и сабли и отдали их товарищам. Остались в одежде странников: через плечо сумки, посохи в руках, а на груди большие медные кресты.

— Прощенья просим, добрые люди, ежели стеснили вас ночлегом!.. Благодарствуем! Прощайте! — низко поклонились нижегородские гонцы погостовцам.

— Да что вы, соколы ясные, да зачем же вы говорите подобное... Бог спасет вас, добрые молодцы, да охранит вас от злых ворогов, супостатов проклятых!..

Затем Мосеев и Пахомов попрощались со своими товарищами ратниками и, провожаемые Мининым и народом, вышли за околицу и бодро зашагали по направлению к московской дороге.

4. Бояре-предатели

Москва действительно попала в руки польских панов.

А случилось это так.

После смерти первого Лжедмитрия, Гришки Отрепьева, московский престол перешел в руки «боярского» царя Василия Шуйского. Бояре провозгласили его царем, бояре же и стали полными господами на Руси. От этого еще тяжелее, безрадостнее стала жизнь крепостного крестьянства.

Начались восстания, перешедшие в настоящую крестьянскую войну.

Польша, давно уже стремившаяся к завоеванию Московского государства, решила этим воспользоваться для нападения на него.

Король Сигизмунд двинулся с войском к Москве, осадив по дороге сильнейшую русскую крепость Смоленск. Отдельные отряды его войск, кроме того,

разбрелись по многим русским областям, грабя и сжигая города и села.

Бояре во главе со старейшим боярином князем Мстиславским решили пойти на уступки королю, который обещал не посягать на самостоятельность Московского государства, а только «водворить в нем порядок».

Бояре, по договору с поляками, решили избрать себе в цари польского королевича Владислава. 29 сентября (9 октября) бояре добровольно впустили в Москву и Кремль пятитысячный отряд поляков не как завоевателей, а как друзей и союзников против восставших повсеместно крестьян.

5. Под иноземным игом

Когда Мосеев и Пахомов пришли в древнюю столицу, то они сразу поняли, что Москва превращена поляками в завоеванный город.

Московские улицы обезлюдели, церкви притихли.

Маленькие, приземистые бревенчатые домики, окруженные плетнями и заборами, казались нежилыми.

У ворот кремлевских башен день и ночь дежурили закованные в латы поляки и находившиеся у них на службе по найму немецкие солдаты. По улицам разъезжали на гладких, откормленных конях надменные иноземные латники с пиками и саблями наготове. У громадных костров на площадях толпились польские воины.

Нижегородские гонцы узнали, что начальником Москвы поляки назначили пана Гонсевского, злого и не любившего русских людей. Гонением на москвичей он хотел выслужиться перед королем.

Ночуя на одном из постоянных дворов на окраине Москвы, Мосеев и Пахомов слышали, будто в Ряза-

ни против поляков поднялся воевода Прокопий Ляпунов. Он собирает большое войско из служилых людей и дворян.

Услышали они это от пришедшего из Рязани молодого бойкого парня, Гаврилки Ортемьева.

Родная деревня его Тихие Сосны, вблизи Смоленска, была разграблена и сожжена поляками. Многие его односельчане были перебиты, и отец, мать и сестры уведены в плен. Больше года уже смоленские люди в крепости мужественно отражали атаки королевского войска.

— Убежал я из деревни... А в Смоленске того хуже. Люди мрут, пропадают от болезней, а умирая, просят своих товарищей не сдаваться, — сказал Гаврилка. — Кто в живых остался, говорят: «Лучше погибнем, а не сдадимся врагам!»

— А как ты попал в Рязань? — спросил его Роман Пахомов.

— Наш храбрый воевода Михаил Шеин послал меня к Ляпунову — просить помощи у него...

Гаврилка тяжело вздохнул.

Ему горько было вспоминать о Рязани. Ляпуновское ополчение состояло главным образом из служилых людей, дворян, стрельцов, казаков и зажиточных горожан. К крестьянам-беднякам, как к людям низкого происхождения, там относились с пренебрежением.

Гаврилка стал расспрашивать нижегородцев, что делается в Нижнем Новгороде, зачем они пришли в Москву.

Мосеев и Пахомов были осторожны, помня наказ Минина. Свой разговор они вели в углу за печкой, шопотом, на ухо, да и то только тогда, когда убедились, что все ночлежники спят.

Ночью бушевала буря. Дырявый бревенчатый домик пронизывали ледяные струи ветра. Парни креп-

ко прижались друг к другу, как родные, самые близкие люди. Так было теплей и веселей.

Послышались отдаленные выстрелы пушек. Это польские сторожевые посты с кремлевской стены запугивали Москву.

6. Восстание

Невеселые вести приносили Гонсевскому его лазутчики. Везде в окраинных селах и городах только и разговору было о том, чтобы идти спасать Москву и прогнать с русской земли насильников-панов. Повсеместно росло недовольство народа.

В Москве открыто стали нападать на поляков. В проезжавшие по улицам патрули из-за углов нередко сыпались камни. Крестьяне и торговцы на базарах не хотели продавать польским солдатам съестные продукты; если же поляки начинали угрожать, то продукты продавались им втридорога.

Положение польского гарнизона с каждым днем становилось все затруднительнее.

Гонсевский созвал совет в Кремле. На этот совет пришли и находившиеся в Москве бояре. Они боялись восстания не менее поляков.

Бояре советовали пану Гонсевскому сжечь часть Москвы, где жили мелкие посадские люди. Огнем угнать опасных жителей подальше от Кремля, а главное, лишить подходившее к Москве ляпуновское ополчение крова.

Москва делилась на четыре части: Кремль, Китай-город, Белый город и Земляной город. Бояре просили не предавать огню Кремль и смежный с ним Китай-город, где обитала вся знать и высшие служилые чины.

Однако паны, прежде чем зажечь Москву, сле-

ляли попытку заманить народ на Красную площадь, чтобы здесь расстрелять его из пушек с кремлевской стены.

Был обычай в вербное воскресенье совершать на Красной площади торжественное богослужение. Ежегодно в этот день собиралась сюда вся Москва. Так должно было произойти и 17 марта 1611 года.

К великому огорчению панов, москвичи неизвестными путями прознали о замыслах Гонсевского и не пошли на площадь.

Но во вторник 19 марта случилось большое кровопролитие. Поляки начали всячески вызывать москвичей на ссору. На базарах произошло несколько столкновений польских шляхтичей и солдат с москвичами.

Терпению народа пришел конец.

Пустынные с утра 19 марта улицы Москвы в полдень наполнились толпами вооружившихся чем попало жителей.

Узнав о том, что по Рязанской дороге приближается передовой отряд ляпуновского ополчения, они решили в случае новых нападений со стороны поляков дать им отпор.

Польская шляхта, действительно, набросилась на возбужденные толпы народа с оружием в руках.

Москвичи начали загромождать улицы бревнами, столбами, скамьями, мешая польской коннице преследовать отступавших жителей. Польские гусары врезались в толпы народа, рубили направо и налево, кололи копьями. В поляков с крыш и из окон летели пули, камни, балки...

Не справившись с разъяренными массами, паны вспомнили советы бояр и в страхе закричали:

— Огня! Жги дома! Жги!

День был страшный, кровавый. Поднялся ветер. Огонь охватил почти всю столицу.

7. Дмитрий Пожарский

К Москве подошел первый отряд ляпуновского ополчения. Его привел молодой воевода, князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Не теряя ни минуты, Пожарский раскинул лагерь у Сретенских ворот Белого города. С большой отвагой ополченцы бросились защищать от поджогов не охваченную еще огнем часть Москвы.

К Пожарскому стали присоединяться москвичи. Тут же оказались нижегородские гонцы Мосеев и Пахомов со своим знакомцем Гаврилкой.

Им выдали самопалы, и они вместе с ополченцами начали сражаться с поляками.

Пожарский верхом на вороном коне то и дело выезжал впереди ополченцев навстречу польской коннице. Отгнав врага, он возвращался снова в укрепление, делая разные распоряжения своим сотникам.

Гаврилка совсем близко увидел около себя Пожарского. Голубой шелковый плащ покрывал латы воеводы. У Пожарского были темносиние глаза, черные кудри, выбивавшиеся из-под шлема, небольшая черная борода. Ему было тридцать два года.

В правой руке Пожарского сверкала сабля.

Он ласково улыбнулся Гаврилке:

— Зелье¹ берегите!.. Пригодится!

Родион и Роман с завистью следили за Гаврилкой. Им тоже хотелось поближе видеть воеводу.

Отброшенные от Сретенских ворот, поляки снова пошли на штурм ополченского укрепления. Польская конница и жолнёры² всей массой смело двинулись на ополченский отряд, охранявший ворота.

¹ Зелье — порох.

² Жолнёры — пехота.

Пожарский опять поскакал впереди своих воинов навстречу полякам.

Столкнулись. Сошлись вплотную. Звенели мечи, сабли, ревели боевые трубы; все заглушалось стрельбой самопалов, криками людей.

Через ограду ополченского укрепления полетели зажигательные приборы — пропитанные особым составом факелы. Поляки решили во что бы то ни стало уничтожить головной отряд ляпуновского войска, но под сильным натиском ополченцев опять вынуждены были податься назад.

Пожарский, кликнув самых отчаянных своих сотников, под звуки труб и колокольный набат быстро собрал и снова повел свое ополченское войско на врага.

Мощная фигура воеводы с поднятой саблей, стремительно мчавшегося по следам гусар, ободряла всех. Всадники врезались в самую глубь гусарского эскадрона, разя врагов. Поляки защищались отчаянно, с великим упорством отстаивая каждый шаг.

Пожарский укрепился еще ближе к Китай-городу — на Лубянке. Быстро соорудил здесь острожек (укрепление), продолжая наступать на поляков.

Бой не утихал.

Гаврилка похолодел от страха, увидя, как мелькают сабли вокруг Пожарского. Он готов был броситься вперед на выручку воеводе. Но как? Разве проберешься к нему в этой сече?

И вот вдруг... не стало видно голубого плаща.

— Родион! Где князь?! — завопил Гаврилка.

— Не вижу! Не упал ли?! Ой, беда нам! — крикнул в ответ Родион, влезая на частокол укрепления.

Скоро снова раздался его голос, полный отчаяния и страха:

— Гляди!.. Несут!.. Он, он! Как есть, его!

Несколько ополченцев несли на руках бледного, окровавленного Пожарского.

Сквозь стоны раненый воскликнул:

— О, лучше бы мне умереть, только бы не видеть того, что довелось мне увидеть!..

Воины бережно уложили раненого в сани и повезли в Троице-Сергиевскую лавру.

На другой день лубянский острожек пал. Ополченцы врассыпную отошли за пределы Москвы.

8. Развал в рязанском ополчении

После всех этих происшествий на месте Земляного и Белого городов осталось черное дымящееся пепелище.

Пришедший со своим ополчением рязанский воевода Прокопий Ляпунов осадил Китай-город и Кремль. Там заперлись поляки в надежде на помощь от короля из-под Смоленска.

Рязанское ополчение было многолюдно и хорошо вооружено, но не было в нем согласия. В состав ополчения входила земщина (служилые дворяне, посадские люди, холопы) и казаки. Земщину возглавлял Прокопий Ляпунов, а казаков — Иван Заруцкий. Был еще и третий вождь в этом ополчении — князь Дмитрий Трубецкой, но он особого влияния не имел ни у земщины, ни у казаков.

Заруцкий был человеком тщеславным и шатким. В ополчении он стремился главенствовать. Не столько думал он о спасении государства, сколько о своем первенстве в государстве.

Ляпунов имел твердый, решительный характер. Он любил родину и дорожил своей властью ради достижения главной цели — освобождения Москвы от поляков.

Между Ляпуновым и Заруцким шла борьба; это

не могло не отражаться на военных делах ополчения.

Поляки воспользовались враждой двух главных вождей и через подосланных своих людей стали натравливать казаков на земских ратников. Паны составили подложное воззвание, якобы исходившее от Ляпунова. Воззвание это подбивало земских людей выступить против казаков, предписывало им нападать на казаков и убивать их. Под воззванием была поддельная подпись Ляпунова.

Казаки, поощряемые Заруцким, убили Ляпунова и бросили его тело на растерзание собакам.

Так польские паны использовали вражду ополченских вождей.

Все это ослабило силу подмосковного войска, которое постепенно приходило в полный упадок.

В это же самое время Московское государство постигло новое несчастье: геройски оборонявшийся почти два года Смоленск пал. Шведы взяли Новгород Великий — главный оплот северных земель — и грозили вторгнуться внутрь страны.

Казалось, наступила окончательная гибель Московскому государству: ни власти, ни войска, ни казны...

9. Воззвание Минина

В сентябре в Нижний Новгород вернулись Роман Пахомов и Родион Мосеев, а с ними пришел и Гаврилка Ортемьев.

Целые сутки рассказывали гонцы Минину о московских делах. В это время Минин уже был выбран на общем сходе нижегородским старостой и судьей. Велико было доверие к нему со стороны его сограждан.

Вскоре Козьма Захарович созвал на прибрежной

площади у Ивановской башни кремля общий земский сход. Он решил создать новое ополчение, не похожее на ляпуновское; составить его, главным образом, из бедных безземельных дворян, из мелких городских людей, из крестьян, из братских народов: татар, чувашей, мариЙцев, мордвы, украинцев, которые тоже очень страдали от поляков и от общей разрухи в стране.

В день схода на площади собралось народа видимо-невидимо; всем хотелось услышать вести о судьбе столицы.

Гонцы рассказывали о том, что они видели и слышали.

— Горе тому, кто дерзает противиться панам! — говорил Пахомов. — Смерть в ужаснейших пытках ждет его. Твердых, не желающих им подчиниться они бросали с крутых берегов в глубины рек. Иных прокалывали копьями. На глазах родителей жгли детей, носили их головы на саблях и копьях. Грудных младенцев вырывали из рук матерей и разбивали о камни. Все это мы видели. Земля наша стала пустыней. Никогда так плохо не было у нас. Жители городов и сел укрываются в дремучих лесах, оставляя дома свои. Поляки со стаями собак охотятся за ними, как за зверями. Всякие работы прекратились... Вот какой порядок, братья, установили на нашей земле проклятые паны! — закончил свою речь Пахомов.

На возвышенном месте появился громадный, широкоплечий, в стрелецкой железной шапке Козьма Минин.

Он громко воскликнул:

— Граждане нижегородские! Настало время нам, последним людям, крестьянам, посадским сиротам и беднякам, подняться на врага.

Он говорил о том, что не всегда силен напада-

ющий. Зверь, когда он предвидит свою гибель, теряет рассудок, лезет на сильнейшего и гибнет в неравной борьбе. Польский король подобен этому зверю.

— Нет такой силы, которая поработила бы нас! — крикнул Минин, потрясая кулаками. — Сойдемся же мы все в единую рать — великую, многонародную, посрадим силою зазнавшихся панов!

Свою речь он закончил горячим призывом вступить в ополчение, жертвовать на поход деньги и ценности.

— Захотим помочь Московскому государству, так не жалеть нам ничего своего. Дворы продать, все отдать! А денег не достанем, — воскликнул он, — заложим жен своих и детей¹, чтобы ратным людям скудости ни в чем не было! В поход двинемся весной, токмо трава пойдет...

Речь Минина прерывалась плачем женщин и гневными выкриками мужчин. Посыпались пожертвования.

Тут же, на этом сходе, нижегородцы добровольно обложили себя налогом: каждый должен был отдать ополчению часть своего имущества.

Хранителем этих денег и собранного имущества единодушно избран был Козьма Минин.

Но тут возник вопрос: кто же будет военачальником нижегородского ополчения?

Минин указал на Пожарского, который в это время лечился от ран в своей вотчине, недалеко от Нижнего. Минин рассказал народу о военных подвигах Пожарского, о его честности и прямоте.

Сход дал твердый наказ: избрать такого воеводу, «который бы не припадал на ту или другую сторону, где ему выгодно, и в измене бы не явился».

¹ Заложим жен и детей — это значит: отдадим их в кабалу, в работу на известный срок за плату.

— Нет такой силы, которая поработила бы нас! — крикнул Мимин.

Таким и был князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Его решили выбрать старшим воеводой нижегородского ополчения.

10. Ополченские будни

Нелегко было побить поляков. Нелегко было справиться и с изменниками-боярами и атаманами, помогавшими панам.

Предстояло большое, трудное дело. Поляки имели прекрасную конницу, едва ли не лучшую в Европе. Особенно славились венгерские гусары. Наемная немецкая пехота состояла из людей, приученных с детства к военному искусству. Для них война была ремеслом. И не так их привлекало жалованье, как военная добыча. Поляки обладали хорошей артиллерией. Польские военачальники — Жолкевский, Потоцкий, Хоткевич — считались опытными, храбрыми полководцами. Слава об их подвигах гремела далеко за пределами Польши.

Вот с кем придется вступить в единоборство нижегородскому ополчению!

Надо было собрать такое войско, которое по численности, по боевой подготовке и вооружению не только не уступало бы королевским войскам, но и превосходило бы их.

На Козьму Минина, как земского старосту и начинателя этого великого дела, были возложены хлопоты по созыву ополчения.

Минин одевал, обувал приходивших в Нижний ратников ополчения, кормил, снабжал их всем необходимым.

Летописцы говорят, что он «сердца ратных утлял и наготу их прикрывал и во всем их покоил и сими делами воинство собрал немалое».

Нужны были деньги. Земский совет доверил Минину взыскивать с каждого городского жителя по одной пятой имущества, а на «нерадивых», то есть на тех, кто не подчинялся воле совета, «страх налагать», то есть брать налог в пользу ополчения силой. Слух о нижегородском ополчении стал распространяться по всей Московской земле. Отовсюду стали прибывать ратные люди, услышав о призыве Минина.

В Нижний стекались из разоренных мест бедные дворяне, посадские люди, крестьяне. Среди них больше всего было смолян, беглецов из пограничной с Польшей Смоленской земли. С большой охотой Минин принимал и убежавших от помещиков крестьян с Украины.

Среди них нашлись кузнецы и мастера литейного дела, которые и взялись ковать мечи, сабли и всякое иное оружие. Закипела дружная, энергичная работа. И во все вникал сам Минин, везде он поспевал и ободрял всех ласковым смелым словом.

Одного нехватало нижегородцам — воеводы, которому бы ополченцы доверили власть над собой.

Нижегородцы снарядили посольство к Пожарскому, наказав послам во что бы то ни стало добиться приезда Пожарского в Нижний.

11. Нижегородцы у Пожарского

Пожарского разбудила не отходившая от него целый день старая мать:

— Сынок, Митрий Михалыч!

Пожарский открыл глаза, приподнялся.

— Ты все около меня, матушка! Иди, отдохни.

— Да нет, сынок!.. Народ на дворе какой-то из Нижнего. Не разбойники ли уж? Не поймешь, что говорят... И кто такие... Будто и пош с ними...

Пожарский быстро надел охабень, шапку и, опираясь на посох, вышел во двор. На крыльце всей грудью вдохнул в себя крепкий, пахнувший соснами воздух.

С любопытством осмотрел пеструю кучку неизвестных ему людей.

— Чего ради вам попритчилось пожаловать ко мне?

Послы поклонились низко, до земли.

— Любезный наш воин и заступник! Видим мы, Московское государство все возмущено, и грады многие опустошены, и царствующим градом, Москвою, злоден владеют... Пришли мы к тебе, пресветлый наш Дмитрий Михайлович: не допусти гибели государства российского. Посланы мы всем народом нижегородским... Прими же мирской приговор земских наших, служилых и жплецких людей...

Дворянин Ждан Болтин с поклоном подал Пожарскому бумагу.

— Ныне мы тебе преданнейше бьем челом, хотим видеть тебя вождем нашим, наистаршим воеводою нижегородского ополчения.

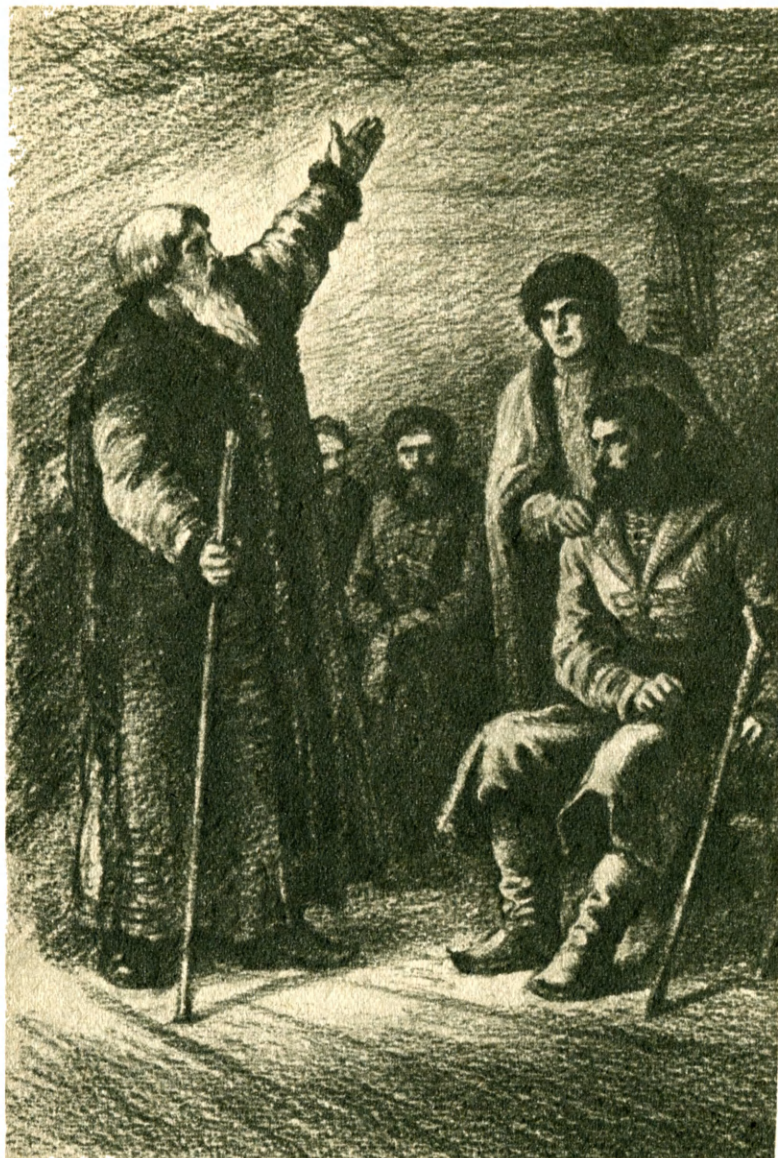
Все опустилнсь перед Пожарским на колени.

— Встаньте, братья! — сказал Пожарский. — Низко кланяюсь и я вам, дорогие нижегородцы! Но заслуживает ли такой великой чести побежденный и раненый воин и притом же не столь родовитый и искусный в ратном деле, как иные, более именитые полководцы?..

— Сокол ты наш ясный! Не приказано нам уйти от тебя без твоего согласия. Никого нам иного и не надо!

Пожарский задумался. Потом, поклонившись, сказал:

— Прошу в покои, дорожные люди, отогрейтесь. Там и побеседуем. Одно знайте — не гожусь я

Пожарский слушал нижегородских послов со вниманием.

в воеводы. Не просите меня — не надо! И не надейтесь на меня!

Все в глубоком тягостном молчании последовали за хозяином внутрь дома.

Когда расселись на скамьях вдоль стен просторной светлицы, Ждан Болтин с дрожью в голосе снова повел речь о том, что нет более заслуженного и верного воина на Руси, нежели он, Дмитрий Михайлович. Только ему одному нижегородцы могут теперь доверить жизнь свою и животы¹ свои...

Пожарский слушал нижегородских послов со вниманием, но согласия своего не давал. Он говорил, что недостойн стать главой у такого великого дела. Он высказывал удивление: за что ему такая незаслуженная честь?! Им сделано то, что обязан сделать каждый человек, — он защищал родное государство.

Нижегородцы исчерпали все свое красноречие, а Пожарский оставался попрежнему непреклонен. Наступила гнетущая тишина. Слышны были только подавленные вздохи и кашель послов.

Вдруг со скамьи поднялся одетый бедно, в сермягу, обутый в лапти Гаврилка. Он вышел на середину светлицы, стал против Пожарского и с сердцем бросил шапку на пол. Голосом, в котором звенели слезы, он воскликнул:

— Митрий! Погибаем вить!.. Чего же ты? Ополчайся!

Дальше он не мог говорить. Слезы поползли у него по щекам. Слезы блеснули и в глазах Пожарского. Он порывисто поднялся с своего места, подошел к парню и крепко его обнял.

— Так ли вы тверды, как сей юноша? — спросил он тихим, но твердым голосом.

¹ Животы — имущество.

— Так! — раздалось в ответ. Послы поднялись и окружили Пожарского. — Чуваши, вотяки, татары и иные народы сему делу по своей вере клятву дали, неужто мы отступимся? Что ты! Пощади, князь!

Некоторое время длилось раздумье Пожарского.

— Да будет так! — вдруг сказал он. — Ополчаться! Не пристающий во-время к защитникам родины бесчестен. Об одном прошу, преименитый Нижний град... Изберите человека, коему бы у сего великого дела хозяином быть, казну собирать и хранить... Так я думаю: Минин Козьма наиболее достоин сего.

— Добро, батюшка, добро! Наш староста он, выборный наш человек, — ответил, низко кланяясь, Ждан Болтин. — Но скажи же нам, отец родной, что передать от тебя народу-то?

— Острый меч решит судьбу... В ночь на понедельник буду в Нижнем...

После отъезда нижегородских послов Дмитрий Михайлович вышел во двор и направился к конюшне. Заботливо осмотрел своего коня, погладил его по гриве, похлопал по бедрам и, бросив взгляд через ворота в снежную даль, улыбнулся... Ему вспомнился голубоглазый парень, его неожиданное выступление, слезы, и он твердо решил: «Молодые воины верною опорю будут...»

12. Долгожданный день

Наступил март 1612 года. Приготовления к походу закончились. Войско нижегородское было хорошо вооружено, одето, обуто и обучено военному искусству. Минин и Пожарский глаз не смыкали в заботах об ополчении.

Настал день выступления в поход.

На Верхнем и Нижнем посадах люди молились,

прощались. Обнимали ратники своих жен, матерей, сестер, отцов, малых деток, старики благословляли ратников...

В кабаках и на площадях под заунывную музыку гуслей слепые певцы тянули сочиненную неизвестно кем песню:

«Не труба трубит и не медь звенит —
Раздается речь добра молодца:
— Ах, тебе ль вздыхать, родной батюшка!
Перестань тужить ты, родимая,
Не крушись, не плачь, молода жена,
Береги себя, сердцу милая!
Уж оседланы кони добрые,
Уж опущены сабли турецкие,
Уж отточены копыя меткие;
Рать усердная лишь приказа ждет.
Ах, утешьтеся и порадуйтесь:
Не наемник вас защищать идет —
Волей доброю мы идем на бой.
Не ударюсь я во постыдный бег
Ни от тучи стрел, ни от поल्याмя,
И рассыплется злые вороги,
Уничтожится сила вражия,
И окончатся брани лютые —
И родимый ваш возвратится к вам!..»

Вокруг гуслеяров собирались женщины, слушали эту песню и тихо плакали.

В красноватых лучах весенней зари серые, незрячие лица певцов оживлялись, дышали энергией, молодостью.

Пушечный выстрел над Волгой и дружный набат посадских колоколов возвестили поход.

Всю ночь нижегородцы не смыкали очей. С мала до велика — на улицах и площадях.

Слышались тихие всхлипывания женщин, угрюмый говор ополченцев: «Ладно, не убивайтесь, вернемся!»

В палисадниках, где полным цветом распустились вербы и, словно пытаясь перекричать людские голоса, из сил выбивались скворцы, стояли посадские женщины, бледные, строгие, с детьми на руках, прислушиваясь к тревожным, неумолимым ударам набата.

Куда ни глянь — булат, железо, медь. Не прошли даром заботы Козьмы: собрано и наковано кольчуг, лат, щитов и прочего с избытком.

Вот когда по-настоящему поняли нижегородцы, на какое трудное дело решились они!

Из-под нахлобученных на лоб железных шапок сурово глядят лица вчерашних мирных жителей. У одних только сверкают глаза, все остальное — в чешуйчатой завесе, спускающейся на плечи и грудь. У других лицо открыто, но сквозь козырьки продеты железные полосы, защищающие нос. Смолян нетрудно узнать по шапкам-ерихонкам с медными наушниками и железной пластиной на затылке. Нижегородские ратники — в высоких синих шишаках¹ и в мелкотканной кольчуге.

Были всадники и в богатых куюках — доспехах из ярко начищенных медных блях, нашитых на нарядные кафтаны, и в племах с накладным серебром. Сабли их, турецкие, тоже нарядные, в серебряных ножнах, обтянутых бархатными чехлами. Но большей частью в ополчении было бедное дворянство, прибывшее в Нижний из разных мест. Это были жалкие, усталые люди, разоренные «от польских людей». Они неприветливо поглядывали в сторону соседей-щеголей.

¹ Шишак — шлем с высоким острием.

Колокольный гул пелвис над городом, над Волгой и окрестными полями и лесами. К нему примешались ружки и дудки, ржанье коней, лязганье железа.

По главной улице, до окраины Верхнего посада, развернулось войско.

Пожарский выехал из Дмитровских ворот, одетый в дощатую броню, в остроконечном шишаке и голубом плаще, перекинутом через плечо. На коне его была пурпурная попона.

Воеводу окружали стрелецкие и иные военачальники, татарские мурзы, мордовские и казацкие старшины. Среди них незаметный, в овчинном полушубке, с мечом на боку, в своей круглой железной шапке Козьма Минин. Под ним был дареный посадскими друзьями горячий вороной конь. Около — неразлучные спутники: Мосеев и Пахомов. Они теперь были не в одежде странников, а как и все — вооружены с ног до головы. Оба дали клятву быть верными телохранителями Минина.

Но вот «выборной воевода всей земли» Пожарский объехал войско, внимательно оглядывая каждого воина, каждого начальника, затем рысью промчался со своими приближенными вдоль табора ратников к головной части ополчения.

Навстречу выехал Минин. Низко, почтительно поклонился воеводе, тихо сказав ему что-то. Пожарский кивнул головой в знак согласия. Козьма отделился от ополчения и с Родионом Мосеевым и Романом Пахомовым поскакал вниз по съезду к месту переправы, туда, где Ока сливается с Волгой.

Здесь, на Оке, уже кипела работа: старики, женщины и подростки устилали оттаявший под солнцем ледяной путь через реку еловыми лапами, соломой, насыпали песок там, где были лужи, набрасывали

тяжелые тесины на толстые бревна, ровными рядами покрывая мутные закраины¹ у берегов.

Минин спустился по широким сходням на лед, озабоченно осмотрел помост над закраиной. Крикнул кузнецам, чтобы скрепили доски железом, тревожно покачал головой:

— Глянь-ка, Родион: река-то!

Мартовское солнце припекало почерневшую поверхность льда. С гор бежали ручьи. Закраины ширились, надувались, подтачивая лед. Надо было торопиться.

Все эти дни Козьма недаром не спал, подгоняя кузнецов и упрашивая Пожарского поскорее перебраться с войском на ту сторону, иначе поход пришлось бы отложить, может быть на месяц, а может быть на дольше. Где найти тогда столько судов, чтобы переправить тысячи ополченцев на тот берег, особенно в половодье? Да и запасы извели бы раньше времени. Ратники стали беспокоиться об этом. Минин в ответе перед ними,

13. В Москву!

Вот и второй пушечный выстрел! Торжественный грохот прокатился по улицам и оврагам.

Минин прикрыл ладонью глаза от солнца, чтобы лучше видеть, как с верхней части города начнет спускаться ополчение на Нижний посад. Сердце его забилось от радости: там, наверху, на дороге, заколыхались знамена, блеснуло оружие, доспехи. П слышались удары боевых литавр.

Козьма Захарович облегченно вздохнул. Словно гора с плеч. Пошли! В последние дни он сильно устал, готовя ратников к походу, а главное, — и это

¹ Закраина — вода на льду у берегов.

больше всего утомило — он опасался, как бы не вышло какого-нибудь препятствия, как бы чего не придумали его недруги ради помехи земскому делу. Князь Звенигородский, нижегородский воевода, который должен был бы помогать ополчению, во всеуслышание сказал ополченцам:

— Пойдете, а оттуда уж и не вернетесь! И торговлишки лишитесь, дома ваши захиреют, и дети по миру пойдут.

«Как ни хитри, а правды не перешагнешь», думал Козьма, восторженно любуясь шумной праздничной массой нижегородского войска.

«В Москву!» — это было так ново, смело, загадочно и вместе с тем так естественно и просто. Многие совсем не представляли себе, куда они идут. Весь мир для них заключался в той деревне, где они жили... Но... Москва! Дорогое, родное слово!

Близко! Подходят! Спустились на волжскую набережную. Минин въехал на бугор над рекой, Моссева послал на середину реки, чтобы там наблюдал за переправой, а Пахомова — на противоположный берег Оки.

Из-за прибрежных ларей и домишек выехал Пожарский. Конь его слегка беспокоился, шел неровно, но воевода сидел прямо, озабоченно поглядывая на реку. Рядом — молодой воин на горячем белом коне, с развернутым знаменем.

Позади воеводы — три пары нарядно одетых всадников, с распущенными знаменами поместной конницы и городского войска. Малиновые, зеленые, желтые полотнища, расшитые парчой и травами, то и дело закрывают собой рослых молодых воинов, с трудом сдерживающих своих скакунов.

Через плечо у каждого всадника — берендейка с патронами, рог с порохом, сумка для оружия, пуль и других припасов.

Войско шло по-новому: рядами, а не толпой.

Войско шло по-новому: рядами, а не толпой.

Пожарский построил его так, чтобы оно не бросалось в бой, по татарскому обычаю, — как это было заведено прежде — нестройной, густой ордой, надеясь на победу врукопашную.

Дмитрий Михайлович кое-что заимствовал и у шведов и у поляков. Биться по-старинному, и огненным и лучным боем, он строго-настрого запретил, приучив конницу и пехоту к правильному наступлению на врагов, чтобы одна помогала другой, а пушки помогали бы им обоним.

Минин по-хозяйски разглядывал одежду, обувь, вооружение проходивших мимо полков.

Весело приветствовал он рукой чувашского военачальника Пуртаса, ехавшего на низенькой волосатой лошаденке впереди чебоксарских всадников. Пуртас был храбрый и умный воин. Без него не было в последние дни ни одного схода в земской избе. Чувашки, одетые пестро, не все были вооружены огнестрельным оружием — многие из них имели луки.

За чувашами прошел смешанный пехотный полк, составленный из маришцев, мордвы, удмуртов. После них, с трудом соблюдая тихую поступь, следовала низкорослая подвижная татарская конница, движущийся лес копий. Ее вел Мурза Гиреев. А потом — казаки, которыми предводительствовал украинец Зиновий. Он весело крикнул Минину:

— Здорово, братику! Гляди, каких славных талыцарей до себе прийняли! — И он с гордостью кивнул на товарищей.

За конницей и пехотой потянулись телеги с легким нарядом¹ и ядрами. Среди смоленских пушкарей под началом Гаврилки находился и сын Козьмы, Нефед. А в самом хвосте ополчения длинной верени-

¹ Н а р я д — артиллерия.

цей растянулся обоз с продовольствием, с полотнищами шатров, с досками разборных мостов, с запасными одеждами и доспехами.

Минин, опутив поводья, тихо следовал позади обоза. Мысленно он подсчитывал, на какое время ему теперь хватит хлеба и мяса.

— Родион. — сказал он подъехавшему Мосееву, — в Балахне бей челом... Хлеба еще надо... Сколько продадут. Да и в Василеве рыбы не достанем ли... Боюсь, нехватит нам и до Юрьевца!..

Ополчение благополучно перешло Оку.

Минин последним сошел со льда.

14. Ярославль

Ополчение двинулось не прямой Московской дорогой, а по правому, нагорному берегу Волги, направившись к Ярославлю.

Гаврилка Ортемьев как пушкарь ехал верхом на одной из лошадей, тащивших телегу с пушкой. Он весело улыбался, поглядывая кругом на своих товарищей-ополченцев. Наконец-то сбылась мечта ополченцев! Наконец-то вышли из Нижнего на вырубку Москвы!

Перед выступлением в поход Пожарский объявил всему войску о том, почему он не повел ополчение прямой дорогой на Москву. По пути в Ярославль к нижегородцам должны были присоединиться многие новые ратные люди, в том числе большой отряд юрьевских татар. Кроме того, надо было наладить мир со шведами, угрожавшими нападением с тыла. Да и запасть новым оружием, новым продовольствием тоже не мешало.

Ополченцы одобрили разумное решение своих полководцев.

— Так-то лучше, — говорили они. — Тихая вода берега подмывает и плотины рвет.

Мартовское солнце сильно пригревало землю. Днем дороги распускались: снег таял, пересекали путь мелкие речушки и ручьи — идти было трудно, вязли ноги, проваливались кони, телеги в оврагах. Однако ничто не могло поколебать настойчивости и бодрости ратных людей. И пехи, и конные, и пушки, и обозы, растянувшись длинной живой вереницей по высокому нагорью, неудержимо продвигались все дальше и дальше.

Лица воинов были суровы, упрямы; конные знаменосцы высоко держали над головами воинов сотканые нижегородскими женщинами знамена. Пушкари, сидя на телегах, любовно придерживали руками отлитые в Нижнем орудия.

Люди в обозах на своих плечах вытаскивали из снежной топи тяжелые, груженные доспехами и продовольствием телеги.

Остался позади Нижний Новгород, осталась позади и Балахна с Юрьевцем, а затем Кинешма, Плёс, Кострома, и наконец ополчение вступило в Ярославль.

Встреча в Ярославле была еще радушнее, чем в прежде встречавшихся на пути городах. И то сказать, сколько страхов натерпелись ярославцы, пока дождались ополчения! Давно поляки зарились на этот город, ключ к северным городам, не тронутым войной. Как самых дорогих, родных людей приняли ярославцы ополченцев.

Минин и Пожарский, как это было и в Нижнем, собрали «общий совет», который впоследствии стал называться «советом всея земли». В состав его вошли избранные народом представители разных городов и ополченские воеводы. Здесь же, в Ярославле, для управления государством было избрано правитель-

ство. Оно состояло из нескольких приказов, то есть учреждений, ведавших денежными, земельными и другими государственными делами.

Правительство это рассылало свои грамоты по всей стране, призывая жителей даже самых отдаленных уголков государства на борьбу с общим врагом, с польскими панами.

Гаврилке приходилось не раз бывать в карауле у воеводской избы. Он видел, как Пожарский даже ночью писал со своими дьяками воззвания в иные города и как скрывались во тьме ночной всадники, увозившие его грамоты.

Гаврилка же был свидетелем того, как подосланный врагами ополчения казак покушался на жизнь Пожарского, когда он осматривал пушки перед выходом из Ярославля в Москву. Покушение не удалось: Пожарского спас другой казак, загородив собой воеводу.

Четыре месяца простояло ополчение в Ярославле. Много было сделано полезного за это время, а главное, ополчение окрепло численно, запаслось хлебом и хорошо оделось и вооружилось.

В конце июля 1612 года, в один из ярких солнечных дней, улицы Ярославля огласились звуками боевых труб и боем литавр. Нижегородское ополчение начало готовиться к походу. Все население города высыпало на городские валы. Загудели колокола, заиграли рожки гудошников, и понеслась их песнь по окрестностям:

«Уж оседланы кони добрые,
Уж отточены копьей меткие.
Рать усердная лишь приказа ждет,
Чтоб пуститься ей в путь намеченный».

Опять Гаврилка и его товарищи взвалили свою «сестричку» (так они звали пушку) на телегу, за-

прягли коней, и опять Гаврилка сел на одного из запряженных цугом коней.

Двинулись!

«Ах, прости-прощай
Уж ты, батюшка мой
Ярославль-город!..»

15. В Москве

20 августа ополчение увидало Москву.

К заставе, навстречу ополчению, выехал князь Трубецкой, веселый, нарядный, на белом коне, окруженный своими атаманами. Встреча была дружественной, но на приглашение Трубецкого стать лагерем у него в таборах, восточнее Кремля, Пожарский ответил отказом. Трубецкой сразу переменялся — сухо улыбнулся, надменный, с недобрými маленькими глазками. Он молча повернул коня и ускакал обратно в свой лагерь.

Теперь один Трубецкой верховенствовал в подмосковном ополчении: Ляпунов был убит, а Заруцкий, сметив, что с приходом в Москву нижегородцев ему не сдобровать, бежал в южные степи.

Ополчение расположилось в том месте, которое заранее наметили Пожарский и Минин, — в соседстве с прежде посланными нижегородскими полками, у Арбатских ворот. Здесь сообща с московскими разоренцами в одну ночь возведено было сильное укрепление. На другой день Трубецкой опять прислал приглашение соединиться с ним на Яузе, и оно снова было отклонено Пожарским.

Князь и Козьма рассудили по-своему.

Посланный королем в помощь полякам, сидевшим в Кремле, гетман Хоткевич движется с запада по Можайской дороге, и войска надо ставить с западной стороны. Укрепиться следовало именно здесь. Оста-

вить же западную сторону открытой, уйдя на восток, за Кремль, к Грубецкому, стало быть, открыть Хоткевичу свободный доступ к Кремлю. А ведь он вез продовольствие для осажденных поляков.

Нижегородцы заняли Белый город, от Тверских до Пречистенских ворот, полукругом, крепко окопавшись и огородившись со стороны, откуда ждали прихода Хоткевича.

Работали круглые сутки все как один.

Польские паны пустили слух, будто Пожарский пренебрегает казаками, а земские люди держат камень за пазухой против оборванной, полуголодной казацкой гольтыбы.

Сам Грубецкой говорил то же, науськивая казаков на земское ополчение.

— Я стою под Москвою немалое время, — обозленно воскликнул Грубецкой, убедившись в непреклонности Минина, — а взял только Белгород и Китай-город. Что будет у мужика того, увижу его промысел!..

Весь свой гнев он излил на Минина.

16. Приход гетмана Хоткевича

Войско гетмана Хоткевича, по своему походному обычаю, двигалось к Москве продолговатым четырехугольником, со всех сторон окруженным повозками.

За передними повозками, внутри четырехугольника, тянулись пушки, в середине — пехота, а за ней — панцирная конница.

Впереди войска на вороном коне ехал сам гетман Хоткевич, окидывая суровым взором окрестности Москвы. Перед ним верховой пахолик¹ вез громадную булаву, украшенную драгоценными камнями и лентами.

¹ Пахолик — оруженосец.

Конницу. делившуюся на хоругви, или эскадроны, если знатные шляхтичи, ротмистры. Она была пестра, разноплеменная.

Тут были и закованные в тяжелые латы неповоротливые немецкие ландскнехты, и польские панцирники, и венгерцы — кто с длинными копьями, кто с палашами, иные с саблями, кинжалами и даже с боевыми молотами. У многих за спиной висели пищали, а за кушаками воткнуты были пистолеты. Вооружение, кони, сбруя — все было дорогое, нарядное.

Около ротмистров гарцовали пахолики в кафтанках из волчьей шкуры, с орлиным крылом за спиной.

Легкая конница Хоткевича состояла из немцев, венгров, валахов и убежавших из Сечи запорожцев. На прекрасных конях они следовали рядом с тяжело двигавшимся коренным войском, с трудом сдерживая своих скакунов.

Широко раскинулись по обе стороны Москва-реки таборы нижегородцев и казаков, преградив дорогу полякам.

Хоткевич ошибся. Он думал найти под Москвой жалкие остатки ляцуновского ополчения, которые, испугавшись его, сами разбегутся из-под стен Кремля. Вышло иначе: перед ним оказалось большое сильное войско.

Он отдал приказ остановиться.

Вечерело. Посинели поля. Река, как стекло, неподвижна. В лагере русских стояла тишина, хорошо знакомая гетману тишина, соблюдаемая накануне боя серьезным противником, не склонным к уступкам.

Поляки раскинули табор на Поклонной горе. Они огородили шатры возами, связанными между собой цепью. Хоткевич приказал саперам возвести земляные укрепления. На валы втащили пушки.

Осторожный и умный воевода, он счел нужным устроить свой тыл так, чтобы в случае неудачи укрепиться и послать гонцов к королю за помощью.

В польском лагере тоже наступила тишина: ни рожков, ни песен, ни криков.

Нижегородских ратников охватило любопытство. Хотелось знать, что за противник, с кем придется тягаться силой, из-за кого столько разговоров и хлопот.

Ополченцы подползали к самой воде, вглядываясь в польские таборы. Расширенными от удивления глазами с интересом следили за тем, как польские гусары, спустившись вереницей с берега, поили коней.

Начался шопот:

— Гляди, гляди! Коня-то какие гладкие да большущие!.. Ой, господи!

— Нашими овсами, чай, откормили...

— Гляди... гляди... А сами-то ровно коты — одни усы.

— Без бороды что за человек?! Силы той нет.

— Айда, ребята, к ним! А?

— Для ча?

— Покалякаем... Почто пришли? Мало им своей деревни!

— Завтра калякать будем, на поле. Накалякаемся вдоволь...

— Слышите — смеются! Глядите — покатываются!..

— Смеялась верша над болотом, да сама там и осталась.

— Сесть бы в челнок, да приплыть бы к ним, да испробовать бы... Думается, и не доживешь до завтра... Внутри горит.

Послышались подавленные вздохи.

Кто-то сердито сказал:

— Не искушай народ!.. Помело! Лежи смирно. Воевода какой объявился!..

Польские конники были веселы. Одни уходили, другие спускались с горы на смену им. И казалось, конца им не было.

17. Начало боя

Трубецкой стоял на том берегу, за Москва-рекой, где и Хоткевич, — близ Крымского брода. Нижегородцы — на этом берегу.

Трубецкой прислал послов. Он обещал действовать против поляков заодно с нижегородцами и дал слово ударить полякам в тыл. Трубецкой просил воинской помощи у нижегородцев. Он уверял, что с честью послужит земскому делу.

Пожарский согласился. Он не послушался Козьмы, который убеждал его не верить Трубецкому, человеку ненадежному. Пожарский отобрал пять сотен самых храбрых казаков и отправил их на ту сторону Москва-реки, к Трубецкому.

Рано утром Замоскворечье огласилось воем резких, пронзительных фанфар... Было в этом что-то страшное, зловещее, новое для слуха нижегородцев. Грянули выстрелы пушек, дерзко, вызывающе...

Минин и Пожарский стояли на сторожевой вышке. Им видно было, как по противоположному берегу стала приближаться к реке блеснувшая железом огромная масса польского войска. Грозно сверкало оружие в лучах восходящего солнца. Всадники, имея за спиной по одному пехотинцу, спустились в воду первые. За ними поползли через реку громадные, сооруженные за ночь плоты с остальной пехотой. Непривычно было видеть реку, покрытую лесом копий и знамен.

В действиях гетманского войска чувствовались

сила и уверенность в собственной непобедимости. Хорошо вооруженное, закованное в заморскую броню, увенчанное славой прежних побед, оно красовалось перед нижегородцами своей отвагой, открыто, на виду у неприятеля, совершая переправу через реку.

Трубецкой бездействовал.

Он и не думал мешать гетману переправляться через реку, равнодушно наблюдая за тем, как поляки перебираются на московский берег. Его приближенные позволили себе даже издеваться над гонцами Пожарского, говоря:

— Богаты вы пришли из Ярославля, сами и отражайте гетмана...

Трубецкой не сдержал своего слова. Минин оказался прав: атаман даже не шевельнулся, когда более искусная польская и венгерская конница стала теснить бросившихся ей навстречу всадников нижегородского ополчения.

На Девичьем поле произошло первое столкновение нижегородцев с поляками.

Пожарский видел, что ополченским всадникам не побороть превосходной конницы поляков и венгерцев, и отдал приказ спешиться.

Началась жестокая сеча. Польские гусары набросились с саблями на пеших нижегородцев. Но пригнувшиеся к земле ополченцы, пронзая вражеских коней своими длинными копьями, создали великое замешательство в эскадронах противника. Кони опрокидывались на спину, давили людей.

В самый разгар боя и полякам пришлось спешиться: тучи стрел, выпускаемых татарскими, мордовскими и чувашскими наездниками, мешали сидеть на конях. Брошенные седоками лошади бешено металась в толпе, становясь на дыбы, брыкаясь задними ногами, наводя ужас на сражающихся.

Хоткевич бросал в бой все новые и новые подкрепления.

Бой разгорался. Бились врукопашную до полного уничтожения друг друга.

При этой сече пушкарям делать было нечего. Гаврилка с кучей своих земляков-смолян тоже пошел врукопашную. Увидели группу шляхтичей, подкрался незаметно, хоронясь среди конских трупов, и вдруг, по команде Гаврилки, грянули из самопапов.

Шляхтичи вскрикнули, лошади их взбесились, поскакали прочь, теряя по пути всадников.

В это время выбежала толпа венгерцев. Черные, разъяренные, со сверкающими белками, ловкие и беспощадные, они набросились на смолян. Тут только ребята поняли, в какую западню они попали.

Венгерцы дрались саблями, смоляне — копьями, мечами и кистенями. И те и другие озверели. Рослый воин, у которого Гаврилка мечом вышиб саблю, вцепился ему в руку зубами, рычал, как зверь. Силой этот человек обладал необычайной. Гаврилка изловчился и уложил венгерца кистенем.

Несколько смолян пали в этой стычке.

Была солнечная, тихая погода. Звон железа, стоны и вопли разносились далеко по окрестностям.

Нижегородское войско отступило к Чертольским воротам.

Присланные Пожарским в помощь Трубецкому пять сотен казаков, увидав, в каком опасном положении находятся нижегородцы, переправились через Москва-реку и вновь пристали к ополченцам. Вслед за ними на глазах Трубецкого лучшие его атаманы Филат Межеков, Афанасий Коломна и другие с большой толпой казаков тоже бросились вплавь на ту сторону Москва-реки в помощь Пожарскому. Они наказали товарищам передать Трубецкому: «По вашим

ссорам настает гибель Московскому государству и войску».

Дружно врезались казаки в толпу поляков с правого фланга, остановив их наступление. Польские эскадроны принуждены были снова убраться в свой лагерь.

Тут сделали вылазку в тыл нижегородскому ополчению осажденные в Кремле поляки. Собрав последние силы, худые, с бледными лицами, похожие на скелеты, с факелами в руках, как пьяные пошатываясь, пошли они на ополченцев. Их крики, похожие скорее на стоны тяжело больных, в ночной тишине напугали ополченцев хуже всяких стрел и мечей. Втискиваясь в толпу ратников, костлявые рейтары падали от собственных ударов — так обессилены были они голодом.

Лишь только ополченцы сами двинулись на нападающих, как остатки их в ужасе побежали обратно. Немногим из них удалось скрыться в Кремле.

18. Удача гетмана

Темная, непроглядная ночь. Гетман Хоткевич сидел на походной скамье в своем шатре, окруженный офицерами.

— Для первого знакомства, — говорил он улыбаясь, — мы были достаточно учтивы с москвитянами. Встреча вышла теплой, тем более ночь должна быть приятной. Мы — хозяева на правом берегу. Казацкий сброд Трубецкого — не воины, их regimentарь¹ не расположен ссориться с нами. Мой приказ — доставить четыреста возов с продовольствием нашим героям-соплеменникам в Кремль. Есть человек — он проводит караван в южные ворота Кремля.

¹ Regimentарь — полковник.

На усатых лицах польских военачальников усталость. У некоторых на головах повязки. Цветные с позументами кафтаны порваны, на них следы крови.

Слово гетмана — закон: четыреста возов в Кремль!

В этом — полное презрение к противнику и твердая уверенность в бездействии Трубецкого.

Заскрипели тысяча шестьсот колес. Затопали во семьсот обозных коней. Раздались голоса четырехсот возниц. В сопровождении шестисот всадников караван шумно тронулся в путь.

Князь Трубецкой был глух ко всему этому. Мимо него проходили по Замоскворечью поляки.

Караван благополучно достиг южных ворот Кремля. Четыреста возов продовольствия оказались в руках осажденных поляков.

Шестьсот всадников конвоя мирно возвратились мимо казацких таборов опять в гетманский лагерь.

Хоткевич, дождавшись их возвращения, сказал:

— Добре! Завтра приведем в Кремль и нижегородского мясника. Пускай рубит мясо для королевских людей.

Гетман засмеялся, отпустил офицеров от себя и в самом хорошем состоянии духа расположился на ночлег.

Полученное панамы продовольствие подкрепило и ободрило их.

23 августа осажденные сделали вылазку из южных ворот Китай-города, переправились через реку и без труда взяли в Замоскворечье русское укрепление у церкви Георгия, распустив на колокольне польское знамя. Обороняли это укрепление воины прежнего ляпуновского ополчения, начальником которых был теперь Трубецкой, но никто из его лагеря не помешал полякам занять этот острог.

— Будем считать, ясновельможные паны, что Москва наша, — сказал Хоткевич, осматривая с вершины Поклонной горы Москву. — На правом берегу княжеские люди не мешают нам... Боятся гнева божьего... И мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что Пожарский будет благодарен нам за побитие Трубецкого на этом берегу, а Трубецкой не пожалует, если мы уничтожим Пожарского на том берегу. Московские вельможи умеют ценить нашу поддержку и не скупятся на жертвы ради своих родословных раздоров.

Было хорошее, ясное утро. Кремлевские стены, башни, купола соборов, Иван Великий — все засверкало белизной и золотом в лучах восходящего солнца.

Среди зелени садов и кустарников величественно застыла синеватая поверхность Москва-реки. Медленно плыли по течению кое-где бревна от раскидных мостов и отбившиеся от берега челны. Стреко́тали сороки, перелетая с места на место, норовя приблизиться к возам с фуражом. Дышалось легко.

В то время как гетман в своем шатре подсеивался над ополченцами, Пожарский и Минин, узнав о ночном маневре поляков, решили переправить часть ополчения на правый берег реки, в Замоскворечье.

В этот день войско Хоткевича, бросив свое укрепление, двинулось с Поклонной горы в глубь Замоскворечья, к Донскому монастырю, в обход, чтобы охватить Кремль и Китай-город с южной и юго-восточной сторон, совершенно незащищенных русскими.

Пожарский быстро перекинул на правобережье два полка отборных воинов, расположившись в районе Пятницкой улицы.

Трубецкой и в этот раз не помог нижегородцам. Он как бы нарочно, чтобы не мешать польским вой-

скам, отвел казацкие полки в сторону, к Лужникам.

Серпуховские ворота оказались незащищенными. Через них свободно прошли эскадроны Хоткевича.

Пожарский видел, что ему придется сражаться в неравном бою, однако он решил во что бы то ни стало воспрепятствовать подходу поляков к Кремлю и Китай-городу.

Хоткевич, узнав о смелой переправе нижегородцев на правый берег, хозяином которого считал себя, пришел в ярость. Он снялся с Поклонной горы и двинул войска к Донскому монастырю.

24 августа на рассвете вихрем налетели гусары на ополченцев. Громадное чудовище, оцетинившееся лесом пик, навалилось на нижегородцев с разбега по скату берега. Ополченцы приняли удар, нагромоздив на пути эскадронов бревна, лодки, камни. Нижегородцы сжались в плотный треугольник копий, самопалов, сабель, о который с треском и звоном разбилась польская конница.

В тылу у нижегородцев была река, впереди — озверелая вражеская орда. Оставалось либо победить, либо всем погибнуть.

Пожарский, показывавший ратникам пример бесстрашия, твердил одно:

— Наша правда. Бейтесь до смерти.

Берег быстро покрылся горами убитых людей и коней. Гусары давно уже спешили и дрались врукопашную. С той и другой стороны становилось все меньше и меньше бойцов. Казалось, сражающиеся решили начисто уничтожить друг друга.

В это время вдали поднялись облака пыли. То шла польская пехота, высланная гетманом в помощь коннице.

Гусары, ободрившись, с новой силой накинулись на ополченцев, но тут дали о себе знать и ополчен-

ские пушкари. Из двух имевшихся у них на этом берегу пушек они принялись стрелять по пехоте, испугав и остановив ее.

Трубецкой, вместо того чтобы ударить в тыл польской пехоте и тем решить победу, отвел свои войска еще дальше от места сражения. Он освободил хорошо укрепленный Клементьевский острог. Его немедленно заняли поляки. Вышло так, что он добровольно предоставил гетману выгодное для ведения боя место.

Хоткевичу ясно было видно из острога, как нижегородские пушкари бьют его пехоту. На помощь, по приказу гетмана, помчались стоявшие в запасе немецкие ландскнехты и венгерцы.

Минин с замиранием сердца следил за ходом сражения. Он видел, что поляки превосходными силами жмут ополченцев к реке. Тогда он собрал толпу ратников и велел готовить переправу в тылу у Пожарского. Затыжка боя, который продолжался уже пять часов, помогла ополченцам устроить мост через реку.

С прибытием немцев и венгерцев перевес явно оказался на стороне Хоткевича.

Отважно отбиваясь от врага, нижегородцы все до единого, даже тяжело раненные, благополучно перebrались опять на левый берег Москва-реки.

Последним воином, который покинул правобережье, был сам Пожарский.

19. Подвиг Минина

В стане Хоткевича вновь зашевелились знамена. Гетманские конники пустились вылавь через реку и снова пошли в атаку.

Гетману удалось прорвать ополченский фронт, отеснив часть ратников к Москва-реке. Князю По-

жарскому, находившемуся в этом месте, угрожала опасность быть «втоптаным» в реку и взятым в плен.

Положение становилось безвыходным.

Военный успех склонялся на сторону поляков. Князь Трубецкой видел, как под ударами панской конницы падали одно за другим знамена нижегородцев, как тщетно выбивались из сил воеводы и ратники ополчения, стараясь «свалить с себя» гетмана, но ни шагу не сделал Трубецкой для того, чтобы притти им на помощь.

Минин и Пожарский упросили келаря Троице-Сергиевской лавры Авраамия Палицына воздействовать на казаков. Келарь был другом Трубецкого.

Войско казачье поднялось на помощь нижегородцам.

Москва-река покрылась переплывавшими ее всадниками. Прильнув к гривам коней, они боевыми выкриками подбадривали ополченцев. Радостными возгласами отвечали ополченцы, с удвоенной силой обороняясь от врагов.

Поляки, видя приближение помощи к нижегородцам, еще отчаяннее стали теснить ополченских ратников. Пожарский выхватил у знаменосца свое знамя и поскакал в самую гущу боя с криком:

— Не жалеете себя! Умрем все!

Бесстрашно кинулись за ним ратники, не щадя своей жизни.

В это время из воды вышла казачья конница.

Два ополчения, нижегородское и казачье, соединившись, ударили по гетманским эскадронам.

Поляки дрогнули, стали отступать, теряя людей и коней, оружие и знамена, оставив на поле брани множество убитых и раненых, одних только венгров — шестьсот человек.

Часть ополченской пехоты перебралась на ту

Пожарский выхватил у знаменосца свое знамя и поскакал в самую гущу боя.

сторону Москва-реки и залегла во рвах и крапивниках на пути гетмана, чтобы не дать полякам воровски, незаметно, провезти еще продовольствие к осажденным в Кремль. Эти смельчаки заведомо обрекали себя на гибель.

— Умрем, а не пустим гетмана в Кремль! — говорили они.

День склонялся к вечеру. Солнце село. Усталые, израненные воины опускались на траву, чтобы обмыть раны, завязать их, отдохнуть после двухдневных боев. Многих товарищей недосчитывали ополченцы.

Опять появились люди, подсланные поляками. Они начали сбивать казаков:

— Зря помогаете! Обманут вас нижегородские воеводы... Спасете их, а потом они и вас побьют.

Козьма едва успевал уговаривать недовольных. Грозил новая междоусобица. Обещанный казакам обоз Хоткевича остался неотбитым, и впереди ничего не предвиделось хорошего. Промокшие до костей в воде, полуголодные, утомленные прежним долгим стоянием под стенами Москвы, казаки пришли в полное уныние.

Тогда Минин явился в шатер к Пожарскому и сказал, что он сам попробует побороться с гетманским войском. Не словами, а делом надо поднять дух в казачьем лагере.

Пожарский ответил:

— Возьми, кого хочешь... Но не будет ли хуже от того?

— Лучше умереть, — ответил Минин, — нежели видеть такое неустройство. Ты, князь, должен беречь себя. Не дай бог, тебя убьют! А я — все равно...

Он отобрал лучших воинов и, пользуясь тем, что поляки, утомленные боем, расположились на отдых, быстро переправился на крымский берег Москва-

реки. С необычайной силой Минин ударил в тыл польской пехоте и коннице.

Козьма, громадный, без шлема, с развевающейся бородой, соскочив с коня, бежал впереди своего отряда. Всадники его, не страшась пуль, с коньями наперевес двинулись вслед за ним.

Такого наскока никак не ожидали поляки. Противники столкнулись грудь с грудью. Панская пехота разбежалась врассыпную под сокрушающим натиском нижегородцев. Конница поляков оказалась неподготовленной. Однако она все же вступила в бой. Засверкали польские сабли над головами ополченцев. Но было поздно: кони польских солдат уже вошли в реку, и нижегородцы продолжали теснить поляков, давя, кроша их с неслыханной яростью. Часть польских всадников, которая находилась поодаль от воды, — боясь также быть «втоптанной в реку», в ужасе бросилась к своему укреплению.

В лагере Хоткевича поднялась суматоха, поляки бросились бежать куда глаза глядят. Особенно перепугались люди в обозах. Они перелезали через вozy и стремительно врассыпную разбежались по полю.

В это время пехота нижегородцев, сидевшая в засаде, во рвах и крапивниках, с боевыми криками побежала на помощь Минину.

Сам храбрый гетман Хоткевич в панике понесся на коне с поля, оставив обоз и шатры в добычу нижегородцам.

Победа на стороне Минина была полная. Казаки, изумленные бешеной храбростью нижегородского старосты, с радостью и огромным уважением приняли от него в дар отбитый у Хоткевича обоз. Имя Козьмы Минина затмило имена всех подмосковных воевод.

Пожарский приказал пушкарям и стрельцам провозвести «великую пальбу» по отступавшим войскам

Хоткевича. Гаврилка постарался на славу. Стрельба по польскому стану продолжалась два часа. От грохота пушек не слышно было даже разговоров, «и дым носился, как от великого пожара».

Разбитые нижегородцами поляки отступили к Донскому монастырю.

Минин своей победой решил судьбу войска гетмана. Лазутчики донесли, что Хоткевич «хребет показал», побежав по Можайской дороге обратно к себе в Польшу.

После боя, снимая с себя броню и латы, Минин сказал с улыбкой:

— Побили многих наших, а меня и смерть не берет. Впереди был — и жив. Видать, Татьяна за меня усердно богу молится.

— Полно, Козьма Захарыч, что ты говоришь! — помогая ему разоружаться, в испуге произнес Мосеев. — Жив — и слава богу! Что о том говорить?..

Минин добродушно улыбнулся.

20. Кремль в осаде

Разгром Хоткевича дал возможность нижегородцам обратить все свои силы против поляков, сидевших в Китай-городе и Кремле. Теперь должна была окончательно решиться судьба осажденных. Помощи ждать им было уже неоткуда.

В эти дни в Москве появились сообщники кремлевских бояр: бывший костромской воевода Иван Петрович Шереметев, Петр Шереметев, князя Григорий Шаховской, Иван Засекин и дворянин Плещеев.

По наущению кремлевских бояр и панов, они стали натравливать казаков на земских людей. Но казаки их не послушали.

Напрасно бродили смутьяны из шатра в шатер,

Козьма, соскочив с коня, бежал впереди своего отряда.

тично стараясь поднять казацкое войско против нижегородцев. Немного нашлось охотников ссориться с родным стойким нижегородским ополчением.

Трубецкой жалованья казакам не платил, принуждая их саблями добывать себе хлеб. В грабежи втягивались и честные казаки. Козьма Минин понял это. Переманивая их, он стал выплачивать им хорошее жалованье. Это и выбило оружие из рук Шереметевых, Шаховского и иных сообщников кремлевских бояр.

Пожарский и Минин получили от Трубецкого приказ приехать на совещание о дальнейших действиях подмосковного войска к нему. Трубецкому, в ставку.

Пожарский сначала рассердился на Трубецкого за его дерзость, а потом, по совету Минина, ответ все-таки дал вежливый, спокойный, величая Трубецкого боярином и всякими почетными именами. Однако от поездок на совещания в казацкие таборы вожди ополчения наотрез отказались. Неудобно, мол, далеко и опасно для жизни. Лучше выбрать место для совместных совещаний где-нибудь на речке Неглинке, между нижегородским и казацким ополчениями, ну хотя бы на Трубе.

Не успел Трубецкой дать ответ, как на Трубном предгорье Козьма уже раскинул несколько громадных шатров и поставил около них знамена и крепкую стрелецкую стражу.

Волей-неволей Трубецкому пришлось ехать для совета сюда. Упрямство атамана было сломлено.

20 сентября Пожарский послал письмо польским панам в Кремль с требованием сдаться.

Ответ от панов был получен следующий:

«...Письму твоему, Пожарский, которое мало достойно того, чтобы его слушали наши шляхетские ушн, мы не удивились. Ни летописи не свидетель-

ствуют, ни воспоминание людское, чтобы какой-либо народ был таким тираном для своих государей, как ваш. Об этом если бы писать, то много бы нужно было на то употребить времени и бумаги. Чего вы не осмелитесь сделать природным вашим государям, когда мы помним, что вы сделали нескольким из них в последнее короткое время?! Теперь свежий пример: ты, сделавшись изменником своему государю, светлейшему царю Владиславу Сигизмундовичу, которому целовал крест, восстал против него. И не только ты сам — человек невысокого звания или рождения, — но и вся земля изменила ему, восстала против него».

Польские паны, говоря о том, что они лучше умрут, нежели позволят себе изменить царю Владиславу, с насмешкой писали:

«...Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей. Пусть холоп попрежнему возделывает землю, поп пусть знает церковь, Кузьмы пусть занимаются своей торговлей, — царству тогда лучше будет, нежели теперь, при твоём правлении, которое ты направляешь к последней гибели государства...»

Пожарский и Кузьма посмеялись над ответом панов.

— Не целовал я креста Владиславу... Паны меня не обманут и никого в том не обманут, — сказал Пожарский. — Не думают ли они, что гетман Хоткевич вернется? Не оттого ли храбрятся?

— «Пусть холоп попрежнему возделывает землю, а Кузьмы пусть занимаются своей торговлей», — с усмешкой повторил Минин. — Бояре и паны думают, что холопы и Кузьмы недостойны защищать свою землю. Не так ли, князь? Плохо же знают они наш народ!

Пожарский задумался. Некоторое время длилось молчание.

— Да, так было, — грустно ответил он. — Но я никогда не гнушался силой народной. Если бы я думал, как бояре, то не пошел бы с вами заодно...

21. Взятие Кремля

— «Холопы! Мужики! Кузьмы!» — ворчал Минин, распоряжаясь насыпкой новых валов на подступах к Китай-городу и Кремлю. — Буде! Натерпелись! Попомните же вы холопов и мужиков!

Кругом кипела работа. На телегах возили землю, камни, бревна. Нижегородские и костромские землекопы, плотники и кузнецы снимали с себя зипуны, несмотря на холод, работали в одних рубахах. Ратники дружно перетаскивали на носилках землю и камень. Валы вырастали один за другим. Тысячи людей уминали землю ногами.

Минин лично следил за тем, как укладывали камень, щебень, как вбивали в землю бревна частокола, давал советы плотникам, поправлял их. Когда-то ведь и сам плотничал. Был он веселым, разговорчивым в это утро перед штурмом.

— Поскорее бы привелось поглядеть на Кремль да святыням его поклониться, а там и в Нижний...

— Что так, Козьма Захарыч? Ты, гляди, с царем рядом сидеть будешь. Первым вельможей станешь, — откликнулись ратники.

— Не о том будем думать, детинушки, а о том, как бы нам ляхов уничтожить, — сказал Минин и отошел прочь.

К вечеру поднялись со своих мест пушкари, затишники, стрелявшие из затинных пицалей¹, и гранатчики. Пожарский собрал коней и людей — подвозить орудия к новым укреплениям.

¹ Затинная пицаль — ружье, которое устанавливалось на подпорку на крепостной стене.

Гаврилка навел дула пушек на Китай-город, забываясь о том, как бы не задеть Спасскую, да не сбить Никольскую башню, да не попасть в Благовещенский монастырь.

Пушкари ломали голову над тем, чтобы не повредить башен и храмов. Дворцы да боярские дома — бог с ними! — еще понастроят, а вот Успенского собора да Ивана Великого не построишь.

С наступлением темноты запылали огни около орудий. Пожарский и Минин на конях объезжали укрепления, подбадривая пушкарей. Все было готово. Все было на месте.

Ночью начался штурм.

Земля содрогнулась от дружного залпа всех выставленных против Китай-города и Кремля пушек и пищалей. За первым последовал второй залп, потом третий, четвертый... Никогда Москва не слыхивала такого оглушительного «огненного боя», как в эту ночь.

Полетели в Китай-город ядра каменные, железные и дробные, разрывные и зажигательные...

Ополченцы озабоченным взглядом провожали летящие ядра.

В отвесах выстрелов, в клубах дыма люди, копотившиеся около пушек, становились красными.

Минин соскочил с коня, начал помогать пушкарям и рассыльщикам подносить ядра к орудиям. Шапка с него свалилась, волосы растрепались, борода разлохматилась.

Грозные взрывы выстрелов, потрясавшие воздух над Москвой, наводили страх не только на поляков, но и на лагерь Трубецкого.

Особенно пугал всех «огненный бой» ночью, когда в осенней темени сначала небо озарялось кровавыми

молниями залпов, а после громового грохота — вдруг наступала зловещая тишина.

Козьма, угрюмый, озабоченный днем, ночью около пушек торжествовал, становился другим человеком. Он ходил на валу в расстегнутом нараспашку халате, громадный, бородатый, весело хмурясь от вспышек огня, шутками и прибаутками подбадривая пушкарей.

— Ой, раз!.. Еще раз! — кричал он, взмахивая рукой в сторону Кремля. — Возьмись, друг, хватай вдруг — да ух!

Приблизившись как-то к Гаврилке, он сказал ему тихо:

— Нажми напоследок! Пускай запомнят нас враги! Бей еще!

— Возьмем Кремль, — улыбнулся Пожарский, потирая руки, — и дело наше с тобою сделано.

Минин молчал.

Среди бояр и дворян раздалось было вошли, что, мол, «грешно по Китай-городу огнем бить», но на общем ратном собрании решили: можно!

22 октября ополченцы и казаки с песнями пошли на приступ Китай-города. Впереди всех опять-таки Минин. Осажденные выказали большое упорство и храбрость. Дрались, насколько хватало сил.

Но где же им было устоять против ополченцев!

Китай-город был взят, а через четыре дня, 26 октября, сдался и самый Кремль.

На другой день, в воскресенье 27 октября, назначен был торжественный вход в Кремль нижегородского ополчения.

Впереди ополчения верхами ехали Пожарский и Минин.

Позади них молодые знаменосцы везли распущенные знамена, среди которых выделялось нарядное знамя князя Пожарского. За ополченскими

Впереди ополчения верхами ехали Пожарский и Минин.

знаменами пешие ратники несли опущенные книзу польские знамена, отбитые у Хоткевича.

За знаменосцами стройными рядами следовала ополченская конница — нижегородцы, казаки, татарские наездники, украинцы, мордва, чувашаи.

Затем растянулись пехота, артиллерия, обоз.

Пожарский и Минин въехали через Спасские ворота в Кремль. Здесь они увидели пленных поляков. Польское «рыцарство» покорно сложило свои знамена к ногам победителей.

22. В Стрелецкой слободе

В Стрелецкой слободе на уцелевшей от пожара улице — песни и пляски.

У дома стрелецкого сотника толпа стрельцов, ополченцев и казаков окружила двух запорожцев.

«На улыци не була,
Не бачила Дзигуна.
Не бачила Дзигуна,
Трохи не вмерла.
Дзигун, Дзигунец,
Дзигун — милый стрибунец...»

Лихо вскидывая носками и кружась, ударили вприсядку чубатые молодцы.

Куда ни глянь — всюду веселье.

Казак и Гаврилка сцепились в борьбе: кто кого?

Устали, еле дух переводят, красные, потные, а уступить никто не хочет. Нижегородские ратники стоят за Гаврилку. Казаки пригибаются к земле, с досадой хлопают себя по бедрам, сердятся на слабейшего товарища. Гаврилка берет верх. Еще усиленнее — и казак валится наземь.

В круг выходит высокий, плечистый мордвин. Толкает парня. Хохот. Гаврилка пятится:

— Полно! Устал. Чего пинаешь!

Мордовские наездники, снующие в толпе, издеваются над парнем.

— Эй ты! Задира Тимофеич! Обожди-ка!

Все оглянулись на голос. На пороге сотникова дома — Минин. Черные глаза полны задора. Он в зеленом кафтане, без шапки. Быстрыми шагами подошел к мордвину:

— Ну, господи благослови! Потягаемся!

Мордвин нахлобучил остроконечную меховую шапку на лоб, уперся ногами в землю, пригнулся, обхватил Минина. Тот мягким, неторопливым движением обнял его через плечо.

Топтались на месте, упершись друг в друга.

Пляски и песни утихли.

Кто кого?

Долго боролись они, яростно, отчаянно; изодрали кафтаны, но устояли оба, не поддался ни один. Минин обнял мордвина и Гаврилку, расцеловал их и повел с собой в дом.

Снова зазвенели бубны, взметнулись песни, загудели гудошники, пустились в пляс казаки.

Гаврилка вынес из дома саблю:

— Минин подарил!

Нижегородцы горящими глазами рассматривали широкое острое лезвие.

— Иди, говорит, на Украину, там вой с панами...

— Стало быть, не вернешься в Нижний?

— Нет, братцы, не вернусь. Прощайте! Буду бить панов на Украине.

Один из запорожцев вонзил Гаврилкину саблю в землю, надел на нее свою баранью шапку — и давай кружиться, плясать вокруг нее. К нему присоединились казаки. Да и Гаврилка не отстал от них.

Минин, просунув голову в крохотное оконце, громко крикнул:

— Веселей, братцы! Наш день! Гуляйте! Больше панам никогда не владеть нами!

Выбежали из дворов стрелецкие жены и девушки. Закружились в хороводе.

«Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, трава, ты завейся, трава,
Ты завейся!..»

Бойцы, конные и пешие, — вчера закованные в броню, сегодня в кафтанах и теплых рубахах, — вместе со стрелецкими девушками вихрем закружились в шумном хороводе.

— Наш день! — из уст в уста передавались слова Минина.

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор *К. Пискунов*. Художественный редактор *А. Чегодаев*.
Технический редактор *З. Тышkevич*. Корректоры *О. Ковалевская* и *Е. Балабан*.
Подписано в печать с матриц 7/XII 1940 г. Летиздат № 2502. Индекс Д-6.
Формат 82 × 113^{1/2}/₃₂. 4^{1/4} печ. л. (2,55 уч.-изд. л.). 27 600 зн. в печ. л. Тираж 75 000.
A29639. Заказ № 1874.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сушевский вал, 49.

В случае обнаружения дефекта просим вернуть экземпляр для обмена по адресу: Москва 18, Сушевский вал, дом № 49, Фабрика детской книги.
Телефон К 5-08-50.

Цена 85 коп.

